

КУСОК ОТ КОРАБЛЯ

Автор:
Анна Аксельрод,
врач-кардиолог

С разрешения издательства «Время» с удовольствием публикуем избранные новеллы заместителя главного редактора нашего журнала

По доброй воле, в здравом уме и твердой памяти я распланировала свой отпуск с детьми.

– Ты совершенно перестала разговаривать с детьми! И работа – не оправдание, – бурчала Совесть.

– Надо отдаться хотя бы на эти десять дней. Начало каникул в Испании – один из лучших вариантов, – кивал Здравый Смысл.

– Они передерутся. Ты будешь проклинать сама свою же идею! Ты, как всегда, получишь по полной! – твердила Интуиция.

В очереди на регистрацию они вели себя прекрасно. И я почти поверила, что моя интуиция больна тревожным расстройством. Небольшая заминка возникла при сдаче багажа, когда двенадцатилетний Сашка спросил, куда можно сдавать скейтборд.

Десять минут ушло на обсуждение вопроса, что находится в чемодане, и мои уверения, что вопрос мальчика был лишь о гипотетическом скейте, которого у нас в ручной клади, разумеется, нет. Как и в багаже.

Дети все еще лучились счастьем, когда в одном из залов аэропорта Внуково мы вывалились в десять длиннющих очередей паспортного контроля.

Я поняла, что покупки в дьюти-фри накрылись, и скисла.

Андрюша понял, что обойти очереди не удастся, и затосковал.

Сашка понял, что заняться нечем, и что явно настало время для видеосъемки, тихо возликовал и так же тихонечко начал снимать репортаж.

Мы простояли почти час, тупо подошли к окошку, обреченно сдали свои паспорта и предоставили физиономии для сверки с фотографиями.

Я пришла в себя только от неожиданно визгливого крика таможенницы из этого же окошка: «Мальчик, немедленно все сотри! Ты что делаешь?! Здесь же нельзя снимать!»

С облегчением усаживаясь на наши места в самолете, я радостно отметила, что рядом нет совсем уж маленьких детей. И что полет обещает быть более-менее тихим.

Впереди села интеллигентная корейская бабушка с красивым внуком. Крепенький спокойный мальчик с миндалевидными глазами был немного похож на главного героя мультфильма «Ивашка из дворца пионеров».

К четвертому часу полета дети окончательно подружились и начали возню через сидение корейского Ивашки, которого звали редким именем Андрюша.

Поездка, в общем, удалась уже тогда: в тот момент, когда я собралась загадать желание, у меня посыпались искры из глаз, потому что мне прилетело.

Сверху, кулаком в глаз, сильно и не от своих детей.

А именно от спокойного Ивашки-Андрюши, который оказался, как герой того мультика, не совсем тем, кем казался на первый взгляд.

Четыре часа полета, нашептывания корейской бабушки и два моих компанейских ребенка сделали свое дело: в процессе возни мальчишка вошел в раж и двинул со всего маху Сашке.

Сашка удачно уклонился. Я неудачно размечталась и потеряла бдительность.

Глаз ненадолго потерял картинку и надолго – внешний вид.

Все молчали.

От места у окошка, где сидел Андрюша, растерянно раздалось короткое и невнятное слово.

Ивашка-Андрюша спрятался и не показывался следующую четверть часа.

В очереди на испанский паспортный контроль нам повезло немного больше: Ивашка-Андрюша совсем вошел в раж. Вошел настолько, что кружил вокруг Сашки и Андрюши, пытаясь затеять драку.

Корейская бабушка тщетно бегала следом за ним и обещала отправить фото нападения родителям.

Чей-то русский папа пытался разобраться с Ивашкой-Андрюшей по-мужски. Или договориться, я так и не успела этого понять.

Я пыталась убедить своих не поддаваться на провокации.

Испанская таможня, посматривая на мой формирующийся под левым глазом фингал, сделала, видимо, какие-то свои выводы и делегировала сотрудника.

Он начал разговор именно со мной и на испанском.

Я ответила, что, к сожалению, не знаю испанского.

– Сеньора, у нас есть специальная детская очередь. Пожалуйста, пойдемте с нами! – вежливо перешел на английский таможенник.

– А мы тоже можем? – с надеждой спросила по-русски корейская бабушка.

– Вы пока останетесь здесь, – ответил испанец на английском. И уверенно преградил путь двинувшемуся за нами Ивашке-Андрюшке.

Я шла за испанцем и думала о том, что совсем недавно в аэропорту Бен-Гурион на меня примерно с тем же ленинским прищуром смотрел таможенник-израильтянин. Хотя фингала у меня точно не было!

И точно так же начинал разговор на иврите, затем перешел на английский, задал 5–6 вопросов и под конец перешел на русский без малейшего акцента.

Мы заселились в гостиницу, и на второй день пребывания, слушая вялое переругивание детей, я огласила прежние правила игры:

– …Имейте совесть, не устраивайте мне ад из моего отпуска! Перестаньте ссориться! Начнете драку – ничего не буду покупать!

– Так ты уже все оплатила, – громко и уверенно начал Андрюша.

– Нет, не все. Аквапарк, порт Авентура, педальная лодка-горка и всякие сувениры не оплачены. Так что решение за вами: или быть людьми, или ходить на море – завтрак – обед – ужин и обратно. А купленную надувную черепаху заберу себе. И буду плавать на ней сама! Хотя, может, раздавлю…

– У меня есть свои деньги, – пожал плечами Сашка.

– А у меня нет… А сувениров будет много? – алчно продолжил Андрюша.

– Сувениров будет много. А все поездки вне отеля могут быть только со взрослыми и стоят очень дорого, – победно закончила я. – Кстати, что это за слово я иногда слышу от тебя, Андрюша?

– Это кусок от корабля!

– Что?

– Кусок от корабля. Задний.

– Сильно… Хорошо. Пусть в нужный момент так и будет: «задний кусок от корабля». Ты можешь это использовать в своей речи.

– В смысле?

– В случае сильных эмоций (страх, ярость, возмущение, досада, обида) так и говори: «кусок от корабля».

– Можно?

– Да. Это лучше, чем изначальный вариант.

Я ужасно нравилась себе в тот момент! И была жутко благодарна нашему приятелю, профессору Бауманского университета Володе Гузненкову, за монолог годовалой давности:

– Анечка, ну что ты! В воспитании студентов, как и в воспитании детей, есть три базовые вещи: шантаж, обман и угроза физической расправы!

День шел за днем. Я бродила вдоль берега и следила за двумя задницами: тощей, в синих плавках, и крепенькой – в желтых. Они ныряли и всплывали, смеялись и все так же вяленько переругивались.

Однажды синий зад исчез из виду. Я озабоченно щурилась на все оставшиеся задницы над водой и бегала вдоль берега. Младший, собирая ракушки, тут же начал утешать меня:

– Не беспокойся: вон похожая кандидатура в синих трусишках… вон-вон, лезет в лодку к знакомым!

На пятый день, когда дети вдвоем раздавили и лопнули свежекупленную черепаху, я поняла, что реализовала даже угрозу физической расправы.

Которая, правда, вышла над черепахой.

Под загаром фингал аккуратно отцвел, и я рискнула пойти в аквапарк.

Быстрый полет в черной трубе куда-то далеко вниз, в ответ на долгие уговоры детей, дернул в голове цепочку мыслей:

– Нормальная женщина никогда не получит фингал в самолете и не полезет в черную трубу с риском потерять там купальник. Она сидит дома и пишет статьи на одну из тем кафедры. И думает о полугодовом отчете по науке!

Кувырок вперед мордой вниз вернул меня к реальности. Надо мной склонились дети.

– Мам! Классно, да! Ну ведь классно же?! – суетился рядом Андрюша. – О чем ты там думала?

– О нем…

– О ком?

– О куске от корабля. Ну, о задней его части…